

Первая любовь — эпизод 19 из 25

Наконец, я приблизился к забору и оперся на тонкую жердь. Вдруг или это мне почудилось? в нескольких шагах от меня промелькнула женская фигура... Я усиленно устремил взор в темноту я притаил дыхание. Что это? Шаги ли мне слышатся или это опять стучит мое сердце? Кто здесь? пролепетал я едва внятно. Что это опять? подавленный ли смех?.. или шорох в листьях... или вздох над самым ухом? Мне стало страшно... Кто здесь? повторил я еще тише. Воздух заструился на мгновение; по небу сверкнула огненная полоска: звезда покатилась. Зинаида? хотел спросить я, но звук замер у меня на губах. И вдруг всё стало глубоко безмолвно кругом, как это часто бывает в середине ночи... Даже кузнечики перестали трещать в деревьях только окошко где-то звякнуло. Я постоял, постоял и вернулся в свою комнату, к своей простывшей постели. Я чувствовал странное волнение: точно я ходил на свидание и остался одиноким и прошел мимо чужого счастья. Тише! (франц.).

На следующий день я видел Зинаиду только мельком: она ездила куда-то с княгиней на извозчике. Зато я видел Лушина, который, впрочем, едва удостоил меня приветов, и Малевского. Молодой граф осклабился и дружелюбно заговорил со мною. Из всех посетителей флигелька он один умел втереться к нам в дом и полюбился матушке. Отец его не жаловал и обращался с ним до оскорбительности вежливо.

Ah, monsieur le page! начал Малевский, очень рад вас встретить. Что делает ваша прекрасная королева?

Его свежее, красивое лицо так мне было противно в эту минуту и он глядел на меня так презрительно-игриво, что я не отвечал ему вовсе.

Вы всё сердитесь? продолжал он. Напрасно. Ведь не я вас называл пажем, а пажи бывают преимущественно у королей. Но позвольте вам заметить, что вы худо исполняете свою обязанность.

Как так?

Пажи должны быть неотлучны при своих владычицах; пажи должны всё знать, что они делают, они должны даже наблюдать за ними, прибавил он, понизив голос, днем и ночью.

Что вы хотите сказать?

Что я хочу сказать? Я, кажется, ясно выражаюсь. Днем и ночью. Днем еще так и сядь; днем светло илюдно; но ночью тут как раз жди беды. Советую вам не спать по ночам и наблюдать, наблюдать из всех сил. Помните в саду, ночью, у фонтана вот где надо караулить. Вы мне спасибо скажете.

Малевский засмеялся и повернулся ко мне спиной. Он, вероятно, не придавал особенного значения тому, что сказал мне; он имел репутацию отличного мистификатора и славился своим умением дурачить людей на маскарадах, чему весьма способствовала та почти бессознательная лживость, которую было проникнуто всё его существо... Он хотел только подразнить меня; но каждое его слово протекло ядом по всем моим жилам. Кровь бросилась мне в голову. А! вот что! сказал я самому себе, добро! Стало быть, мои вчерашние предчувствия были справедливы! Стало быть, меня не даром тянуло в сад! Так не бывать же этому! воскликнул я громко и ударил кулаком себя в грудь, хотя я собственно и не знал чему не бывать. Сам ли Малевский пожалует в сад, думал я (он, может быть, проболтался: на это дерзости у него станет), другой ли кто (ограда нашего сада была очень низка, и никакого труда не стоило перелезть через нее), но только несдобровать тому, кто мне попадется! Никому не советую встречаться со мною! Я докажу всему свету и ей, изменнице (я так-таки и называл ее изменницей), что я умею мстить!

Я вернулся к себе в комнату, достал из письменного стола недавно купленный английский ножик, пощупал острие лезвия и, нахмурив брови, с холодной и сосредоточенной решительностью сунул его себе в карман, точно мне такие дела делать было не в диво и не впервой. Сердце во мне злобно приподнялось и окаменело; я до самой ночи не раздвинул бровей и не разжал губ, и то и дело похаживал взад и вперед, стискивая рукою в кармане разогревшийся нож и заранее приготавливаясь к чему-то страшному. Эти новые, небывалые ощущения до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаиде я мало думал. Мне всё мерещились: Алеко, молодой цыган Куда, красавец молодой? Лежи..., а потом: Ты весь обрызган кровью!.. О, что ты сделал?.. Ничего! С какой жестокой улыбкой я повторил это: ничего! Отца не было дома; но матушка, которая с некоторого времени находилась в состоянии почти постоянного глухого раздражения, обратила внимание на мой фатальный вид и сказала мне за ужином: Чего ты дуешься, как мышь на крупу? Я только снисходительно усмехнулся ей в ответ и подумал: Если б они знали! Пробила одиннадцать часов; я ушел к себе, но не раздевался, я выжидал полночи; наконец пробила и она. Пора! шепнул я сквозь зубы и, застегнувшись доверху, засучив даже рукава, отправился в сад.

Я уже заранее выбрал себе место, где караулить. На конце сада, там, где забор, разделявший наши и засекинские владения, упирался в общую стену, росла одинокая ель.